

А.М. Жульников

ОБМЕН ЯНТАРЕМ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ В III тыс. до н.э. КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

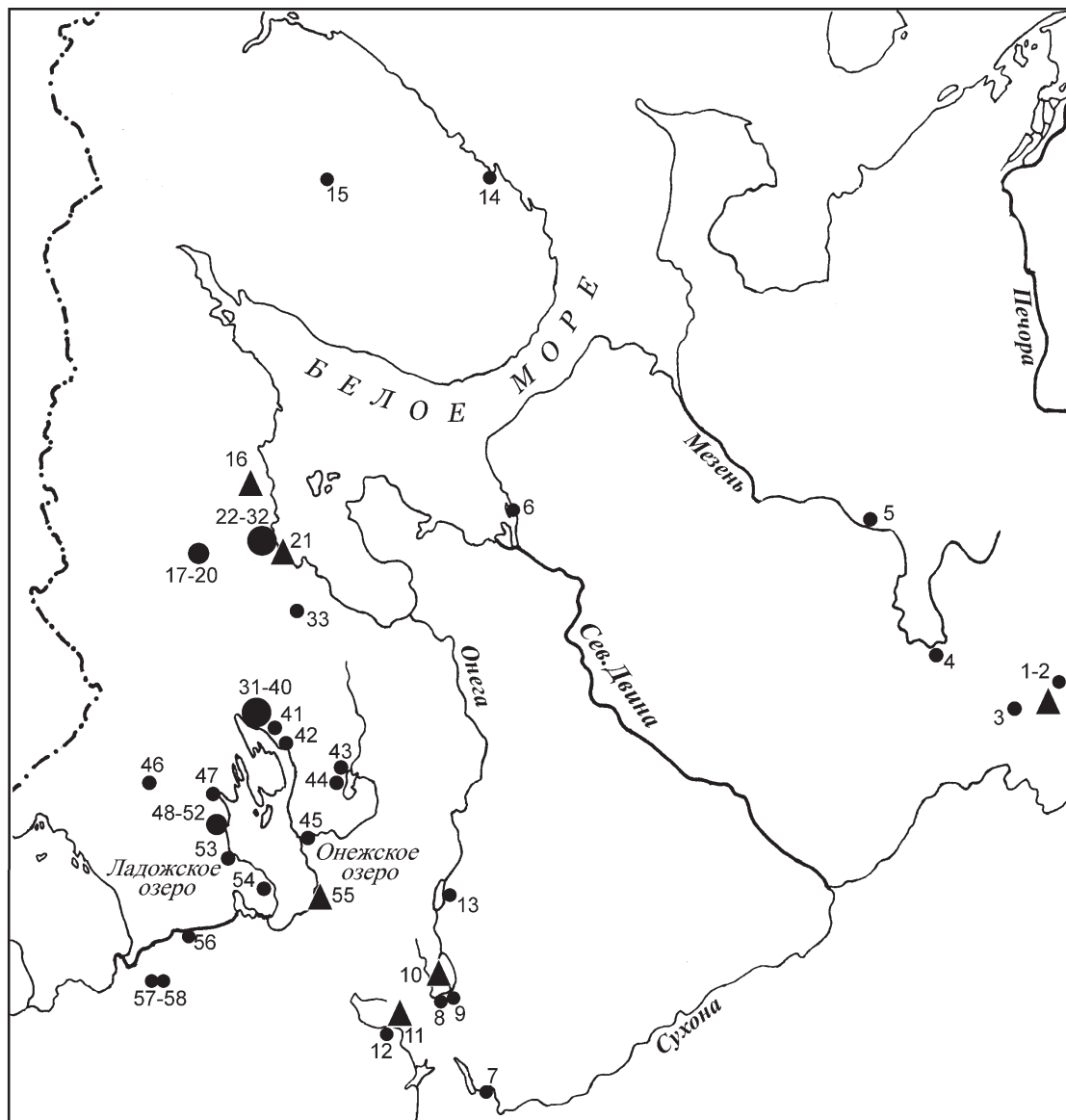
Янтарные украшения в настоящее время известны на памятниках и в могильниках, исследованных на обширной территории лесной полосы Восточной Европы. Например, только в бассейне Белого моря имеется 31 пункт с находками янтарных изделий, в том числе 27 стоянок, четыре могильника или одиночных погребения (рис. 1). Типы янтарных изделий, найденные на рассматриваемой территории, относятся к восточнобалтийской группе украшений, выделенной в свое время Р. Клебсом [Klebs 1882]. Период массового распространения янтарных украшений сравнительно непродолжителен — конец IV — начало II тыс. до н.э. (по радиоуглеродным датам).

Существуют три основных точки зрения, объясняющих появление янтарных украшений далеко за пределами территории Юго-Восточной Прибалтики.

По мнению большинства исследователей, распространение на Севере Европы янтарных изделий обусловлено развитием процесса обмена или его интенсификацией в обществах охотников и рыболовов.

Другое предположение недавно было высказано Е.Л. Костылевой и А.В. Уткиным, которые полагают, что могильники с янтарными украшениями на территории Верхнего Поволжья оставлены мужской частью волосовского населения, мигрировавшего из Юго-Восточной Прибалтики [Костылева, Уткин 2000].

Третья точка зрения представлена в работе финского исследователя Ю. Вуоринена, который обратил внимание на то, что большая часть янтарных предметов, найденных за пределами Прибалтики, встречена в могильниках [Вуоринен 1984]. Этот факт позволил исследователю сделать предположение, что распространение янтаря связано с так называемым церемониальным обменом. Подобный обмен ведется престижными или ценными вещами и предполагает, что большая их часть не остается у владельца, а дарится снова. Влияние отдаленности той или иной территории от источника товара, судя по данным этнографии, сказывается слабо (до определенного предела). При археологических исследованиях большая часть изделий, полученных путем церемониального обмена, обнаруживается в мо-

- ▲ – могильник или одиночная могила с янтарными украшениями
- – 1 поселение
- – 4 - 5 поселений
- – более 5 поселений

Рис. 1. Карта памятников с янтарными украшениями в бассейне Белого моря и прилегающих регионах. 1-2 — Вис II, 3 — Югу-Яр, 4 — Чойновты II, 5 — Попьюга, 6 — Мудьюг, 7 — Вёкса I, 8 — Модлона, 9 — Против Гостиного берега, 10 — Мыс Бревенный, 11 — Каргулино, 12 — Белоозеро, 13 — Устье Кинемы, 14 — Маяк II, 15 — Мыс Семерка II, 16 — Путкинская I, 17-20 — Тунгуда III, XV, XVII, Березово XVIII, 21 — Залавруга II, 22-32 — Золотец I, VI, VII, X, XI, Залавруга I, IV, Бесовы Следки I, III, Порог Шойрукша, Остров Шойрукша, 33 — Сумозеро XV, 34-40 — Войнаволок VI, XXIV, XXV, XXVII, XXXVIII, XLII, Кочнаволок II, 41 — Черная Губа IX, 42 — Челмужская Коса XXI, 43 — Келка I, 44 — Охтома II, 45 — Первомайская I, 46 — Сунская Ia, 47 — Лахта II, 48-52 — Соломенное V, Пески IVa, Верховье IV, Фофаново XIII, XIV, 53 — Деревянное I, 54 — Розмега II, 55 — Тудозеро VI, 56 — Негежма, 57-58 — Усть-Рыбежна I, II

гилах. Для сравнения: при обмене сырьем или бытовыми предметами количество продукта обмена резко уменьшается за пределами контактной территории [Вуоринен 1984: 55]. К сожалению, Ю. Вуоринен не подкрепил свой вывод данными по пространственной динамике распространения янтарных украшений.

В целях изучения причин и механизма столь массового распространения янтаря в лесной полосе Европы мною была предпринята попытка выявить пространственно-хронологическую динамику этого явления. Полученные материалы были сопоставлены с данными по распространению на Севере Европы типов керамики, с динамикой поступления на территорию Карелии кремневых и сланцевых изделий, некоторых видов сырья. В настоящее время уточнена хронология некоторых типов сланцевых орудий и кремневых наконечников [Жульников 1999], определены локальные территории, где располагались стоянки-мастерские по производству этой категории энеолитических изделий. Имеющиеся данные позволяют выявить основные направления поступления этих изделий в соседние регионы.

Периодизация янтарных украшений восточнобалтийских типов была разработана И. Лозе на основе изучения материалов стоянок Лубанской низины [Лозе 1969], где преобладают слабо стратифицированные памятники с разновременной керамикой. В последующем, при раскопках могильников в бассейне Мсты и Верхней Волги, Д.А. Крайновым и М.П. Зиминной было установлено, что некоторые типы украшений, определяемые И. Лозе как ранние и поздние, нередко встречаются в одних и тех же погребениях [Крайнов 1973: 53; Зимина 1993: 227].

В последние десятилетия небольшие серии янтарных украшений были получены при раскопках неолитических и энеолитических полужемлянок на территории Карелии и Финляндии. Для многих этих жилищ или керамики из них были получены радиоуглеродные даты [Karjalainen 2002; Pesonen 2004; Жульников 2005]. Эти данные позволяют уточнить имеющуюся периодизацию и хронологию комплексов с янтарными украшениями.

На основе анализа имеющихся данных мною выделено три хронологических группы памятников, отличающихся составом янтарных украше-

ний и иных типов погребального инвентаря. Данные об этих группах представлены в таблице 1. Для территории Юго-Восточной Прибалтики может быть выделена также четвертая, видимо отчасти синхронная с третьей, группа памятников, соотносимая со шнуровой керамикой. Для четвертой группы характерны специфические типы янтарных украшений, почти не встречающиеся на территориях, расположенных к востоку и северу от Прибалтики: удлинённые узкие подвески, прямоугольные и округлые пуговицы-нашивки с нарезкой по краю, ладьевидные пуговицы, удлинённые и ключеобразные подвески с отверстием для подвешивания (просверленным сбоку — горизонтально или сверху — наискосок) [Loze 1993: fig. 8]. По ряду признаков ключеобразные подвески, обнаруженные на поселениях со шнуровой керамикой, отличаются от колец с выступом, встреченных в могильниках Кончанское [Зимина, 1993], Тудозеро VI [Иванищев 1996], поэтому синхронизация этих видов украшений [Иванищева 1992: 88] не имеет под собой оснований. В некоторых могильниках и на поселениях со шнуровой керамикой, датируемых концом III — началом II тыс. до н.э., имеются янтарные кольца [Янитс 1952: 53; Loze 1993], тогда как на поселениях Карелии и Финляндии, датированных второй половиной III тыс. до н.э., этот тип изделий не встречается.

Особо следует отметить, что большая часть восточных типов янтарных украшений существует без изменений на протяжении около одной тысячи лет. Таким образом, нецелесообразно использование янтарных украшений для определения абсолютной хронологии тех памятников, где они были найдены.

Янтарь на протяжении позднего неолита и энеолита распространяется в лесной полосе Восточной Европы среди групп населения с разными типами керамики. Так, в конце IV — начале III тыс. до н.э. янтарные украшения известны в могильниках и на поселениях с гребенчатоямочной керамикой Карелии и Финляндии, на поселениях с ромбоямочной керамикой Карелии и Ленинградской области, на поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой Валдая (рис. 2). Это, возможно, родственные, но отнюдь не тождественные культуры. Представленные данные вполне показательны, чтобы отвергнуть имеющуюся миграционную гипотезу.

Таблица 1

Хронологические группы памятников с янтарными украшениями

№ группы	Состав янтарных украшений	Иной сопроводительный инвентарь (погребения)	Памятники	Даты	Радиоуглеродная датировка группы
3	Подвески (асимметричные, овальные, трапециевидные), шайбы, круглые и квадратные пуговицы-нашивки, пронизи	Наконечники стрел и копий, в том числе удлиненные листовидные наконечники стрел, изредка другие кремневые орудия	Могильники или одиночные могилы: Карулино [Ошибкина 1978], Сахтыш II [Крайнов 1982], Заларуга II [Саватеев 1977], Вис II [Карманов и др. 2001], Тудозеро VI (вторая группа могил — № 9—10) [Иванищев 1996], Вашутино [Utkin 1993], часть погребений могильников Репище и Кончанское [Зимина 1993], Шагара I [Каверзнева 1992]. Поселения с пористой и асбестовой керамикой Финляндии и Карелии (типы Киерки—Пёлья, Войнаволок XXVII, Оровнаволок XVI) [Siitäinen 1967; Жульников 1999, 2005], чойновтинские памятники [Стоколос 1997].	Более 40 дат с поселений Финляндии и Карелии (нагар на керамике, уголь из жилищ); вторая половина III тыс. до н.э. — рубеж III—II тыс. до н.э. [Жульников 2005; Kajjalainen 2003; Pesonen 2004]. Могильник Шагара I, могила №13: 3760 ± 40 (ГИН 5454) [Каверзнева 1992].	Вторая половина III тыс. до н.э. — начало II тыс. до н.э.
2	Подвески (асимметричные, овальные, трапециевидные, трапециевидные с сильно выпуклым основанием), кольца, кольца-подвески (с выступом), шайбы, пуговицы-нашивки, пронизи	Кремневые наконечники стрел, копий, ножи, изредка сланцевые кольца, подвески, кремневые фигурки	Могильники Сахтыш Па [Крайнов и др. 1994], VIII [Крайнов 1973], Иловец I (возможно, относится к группе 3) [Урбан 1973], Языково I [Сидоров 1990], часть погребений Кончанское и Репище [Зимина 1993], Тудозеро VI (первая группа могил - № 1—8) [Иванищев 1996], Звейниекс (единичные погребения) [Zagorskis 1987], Тамула (погребение №7) [Янитс 1954]. Поселения Сарнаге [Ванкина 1970] (Латвия), Акали [Янитс 1959] (Эстония), Негежма [Земляков 1932], Деревянное I [Жульников 1999], Модлона [Ошибкина 1978], Репище V [Зимина 1993] (Россия), Тимонен [Pesonen 1994] (Финляндия).	Могильник Сахтыш Па: 4800±200 — 4540±160 (ГИН-6234, 6237, 7190) [Костылева... 2000: 182]. Поселение Модлона — 4850±150 (Je-994), 4360±30 (Je-993) [Ошибкина 1978]. Поселение Сарнаге: 4700±250 (TA-26), 4630±70 (TA-265), 4639±100 (Vln-769), 4510±110 (Je-814), 4490±250 (TA-24) [Ванкина 1970].	Первая половина III тыс. до н.э.
1	Подвески (асимметричные, овальные, четырехугольные), кольца, шайбы	Сланцевые кольца, подвески, кремневые наконечники копий, стрел, ножи, изредка подвески из желтого камня, сланцевые рубящие орудия	Могильники или одиночные могилы Звейниекс (погребения № 206, 225) [Zagorskis 1987], Куккаркоски [Torvinen 1979], Колмхаара [Edgren 1960], Писла [Luho 1961], Путьинская I (см. рис. 3) [Жульников 1999], Мыс Бревенный [Ошибкина 1978], поселения Репище IV (слои торфа) [Зимина 1993], Черная Губа IX [Витенкова 2002], Тёрмяваара [Pesonen 1994].	Могильник Звейниекс: погребение № 206: 5285±50 (Ua-3643), погребение № 225: 5110±45 (OxA-5986) [Тимофеев и др. 2004: 107-108], Могильник Куккаркоски: 4940±250 (Hel-832) [Torvinen 1979]. Поселение Черная Губа IX: 4840±80 (TA-2023) [Витенкова 2002]. Керамика поселения Тёрмяваара: 5160 (Hela-78), 4945 (Hela-107), 4940 (Hela-105), 4840 (Hela-106) [Pesonen 2004].	Последняя четверть IV — рубеж IV — III тыс. до н.э.

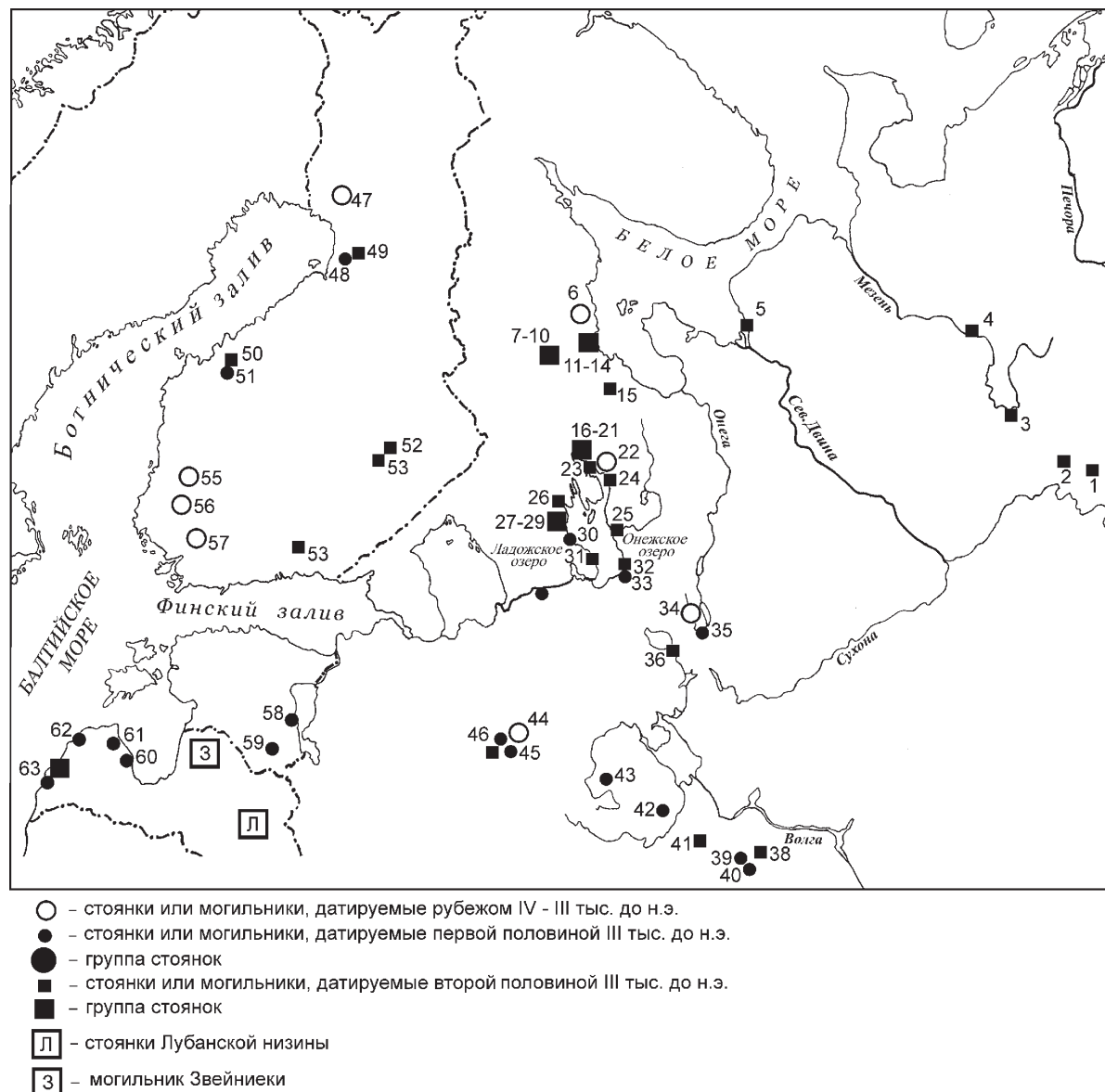

Рис. 2. Карта расположения памятников с янтарными украшениями, относящихся к разным хронологическим группам

1 — Вис II, 2 — Югу-Яр, 3 — Чойновты II, 4 — Попьюга, 5 — Мудьюг, 6 — Путкинская I, 7-10 — Тунгуда III, XV, XVII, Березово XVIII, 11-14 — Залавруга I-II, Золотец VII, X, 15 — Сумозеро XV, 16-21 — Войнаволок XXIV, XXV, XXVII, XXXVIII, XLII, Кочнаволок II, 22 — Черная Губа IX (1987 г.), 23 — Черная Губа IX (жилище 5), 24 — Челмужская Коса XXI, 25 — Первомайская I, 26 — Сунская Ia, 27-29 — Верховье IV, Фофаново XIII, XIV, 30 — Деревянное I, 31 — Розмега II, 32 — Тудозеро VI (группа могил 2 — № 9-10), 33 — Тудозеро VI (группа могил 1 — № 1-8), 34 — Мыс Бревенный, 35 — Модлона, 36 — Каргулино, 37 — Негежма, 38 — Сахтыш II, 39 — Сахтыш ПА, 40 — Сахтыш VIII, 41 — Вашутино, 42 — Языково I, 43 — Иловец I, 44 — Репище (слой торфа), 45 — Репище (могильник), 46 — Кончанское, 47 — Тёрмяваара, 48 — Куузеланкангас, 49 — Киерикки, 50 — Изокангас, 51 — Тимонен, 52 — Сятос 1, 53 — Лаавуссуо, 54 — Пуккисаари, 55 — Писпа, 56 — Колмхаара, 57 — Куккаркоски, 58 — Акали, 59 — Тамула, 60 — Силинупе, 61 — Пуркиемс, 62 — Сарнате, 63 — Швянтойи

Восточные типы янтарных украшений в неолите и энеолите из Юго-Восточной Прибалтики поступали в северном, северо-восточном и восточном направлениях. Южное направление для этого периода, напротив, практически не прослеживается. Картографирование памятников с числом найденных украшений более 10 показало, что большая их часть относительно равномерно располагается в пределах «северо-восточного» сектора с максимальным удалением по прямой от Лубанской низины и юго-восточного побережья Балтийского моря на 1000–1050 км. Эта избирательность в направлениях поступления восточных типов янтарных украшений демонстрирует основной вектор связей населения Юго-Восточной Прибалтики в конце эпохи неолита и отчасти энеолите.

Расстояние около 1000 км, видимо, является предельным для той формы обмена, согласно которой янтарные украшения распространялись в относительно массовом масштабе с территории Юго-Восточной Прибалтики. Эти данные позволяют отчасти рассеять сомнения В.В. Никитина в волосовской принадлежности верхневолжских могильников с янтарными украшениями. Исследователь обратил внимание на отсутствие могильников с янтарем в Среднем Поволжье и в междуречье Волги и Вятки, хотя в этих регионах, как и на Верхней Волге, широко представлены волосовские поселения [Никитин 1991: 82].

На стоянках янтарные украшения найденные, как правило, в обломках, имеют нередко следы ремонта [Жульников 1999], что свидетельствует об их бытовом использовании. В то же время некоторые категории янтарных украшений, особенно пуговицы-нашивки, хрупки, чтобы предполагать их каждодневное ношение на одежде. Рядом с могильником Репище, в котором найдены многие сотни янтарных украшений, располагается, видимо, синхронное поселение (Репище V), где янтарные украшения единичны [Зимица 1993]. Эти данные позволяют предположить, что одежда, на которую нашивались янтарные украшения, использовалась только в особых случаях, преимущественно во время ритуалов и празднеств.

Изучение степени удаленности стоянок-мастерских от памятников с янтарными украшениями показывает, что количество последних постепенно возрастает — до 600–900 км (рис. 3).

В Эстонии известно 20 памятников с древними янтарными украшениями [Ots 2003]. На территории Ленинградской области, по моим данным, имеется не менее 15 поселений с находками янтаря, большая часть которых располагается на Карельском перешейке. В Финляндии выявлено около 50 пунктов с янтарными изделиями [Äygarää 1947, 1960; Pesonen 1994; Karjalainen 2002]. На территории Карелии, удаленной на довольно значительное расстояние от Юго-Восточной Прибалтики, зафиксировано 39 памятников с янтарем (см. рис. 1).

Динамика распространения янтарных украшений во многом отлична от динамики распространения кремня, изделий из кремня и сланца. В качестве примера можно привести данные по степени обеспеченности кремнем некоторых районов Западного Прибеломорья, расположенных вне «кремневой зоны». В середине III тыс. до н.э. на стоянках, удаленных на 150 км (по прямой) от выходов кремня в среднем течении р. Онеги, доля кремневого инвентаря составляла 100, на 250 км (низовье р. Выг) — чуть более 50%, а на 500 км — лишь 1% (рис. 4). Аналогичные результаты были получены и при изучении динамики распространения сланцевых рубящих орудий русско-карельского типа на территории лесной полосы Северной Европы. Форма этого типа орудий связана с особенностями получения заготовок из твердых разновидностей сланца или алевролита, в том числе с применением оригинальной технологии расщепления [Тарасов 2005]. Месторождения твердого сланца или алевролита находятся к западу от Онежского озера, где зафиксированы крупные стоянки-мастерские по производству орудий русско-карельского типа [Жульников 1999]. Сланцевые рубящие орудия этого типа относительно равномерно поступали во все соседние регионы, однако их количество резко уменьшается на стоянках, удаленных от стоянок-мастерских на расстояние более 200–300 км.

Имеющиеся данные по динамике распространения янтарных украшений, их нахождение преимущественно в погребениях, распространение янтарных украшений во многом в родственной культурной среде, полностью соответствует признакам церемониального обмена престижными вещами. Существенно, что обмен подарками между представителями общин в основном ведет-

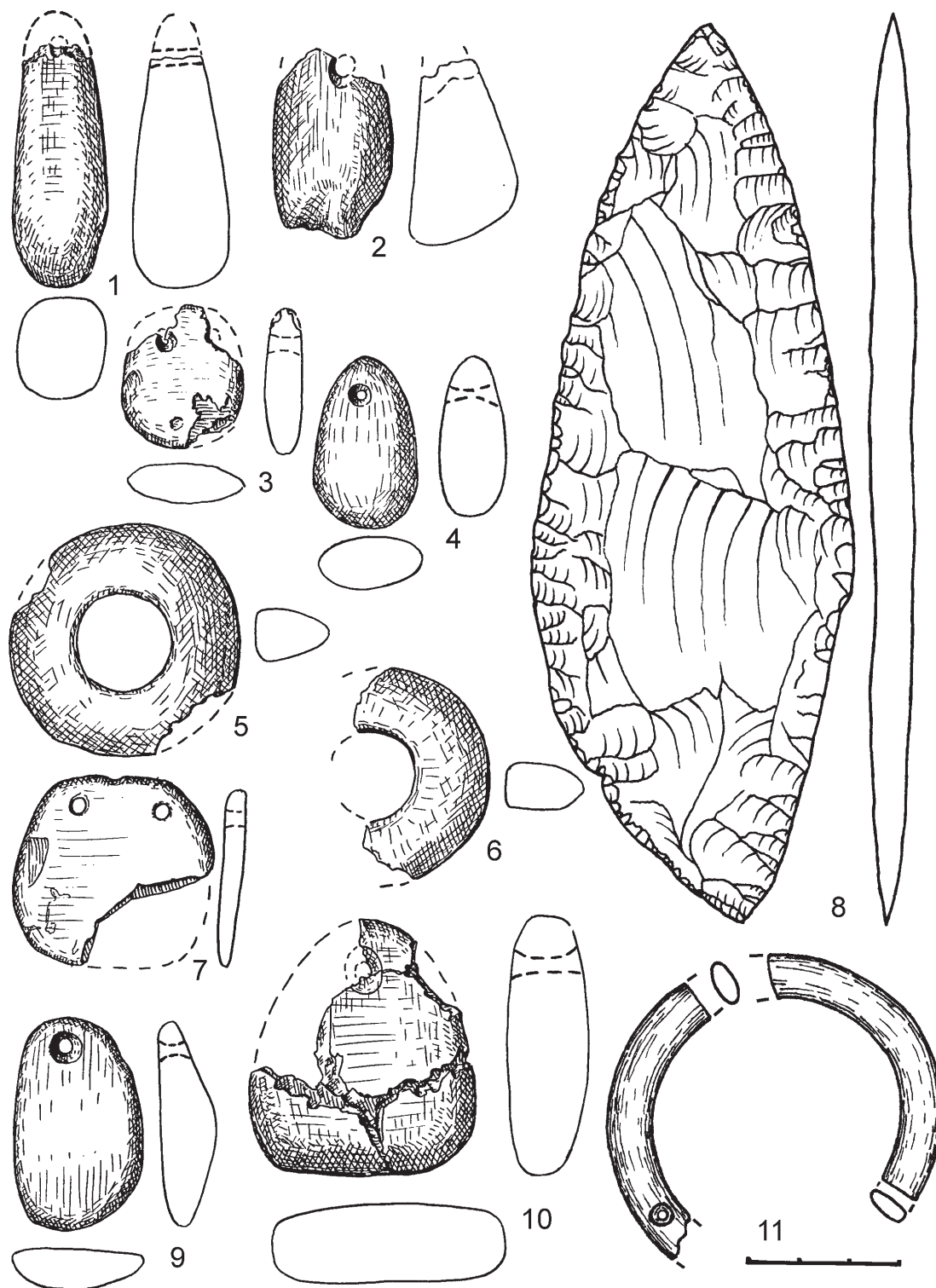

Рис. 3. Инвентарь могилы на поселении Путкинская I
1-6, 9-10 — янтарь, 7 — желтый сланец (?), 8 — кремнь, 11 — сланец

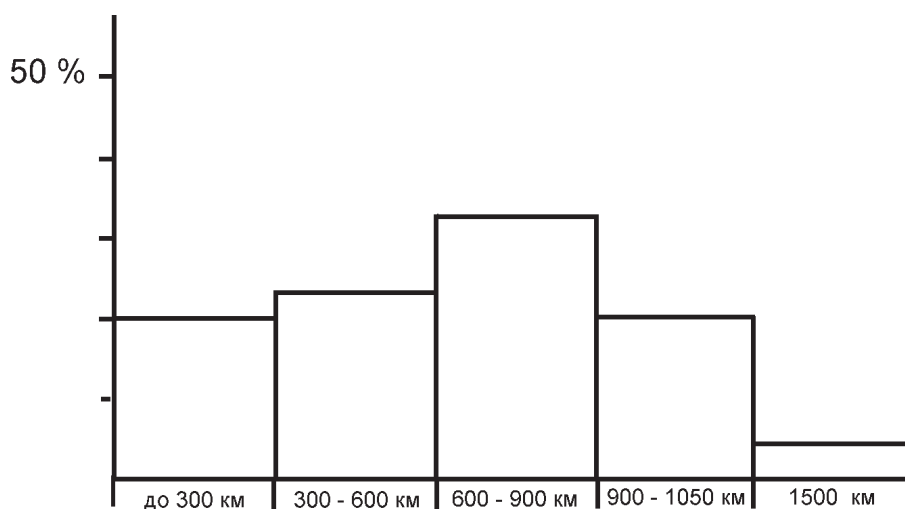

Рис. 4. Динамика удаленности стоянок и могильников с янтарными украшениями от стоянок мастерских в Юго-Восточной Прибалтике (учтено 30 пунктов, в том числе группы локально расположенных стоянок, на которых в совокупности найдено более 10 янтарных украшений)

ся не с целью их накопления, а направлен в первую очередь на укрепление и поддержание социальных связей между отдельными группировками людей. Как отмечает В.Р. Кабо, одной из важнейших функций обмена в первобытном обществе является регулирование общественных отношений. Обмен является одновременно выражением и стимулятором родственных и дружеских связей, помогает улаживать конфликты. В некоторых восточноафриканских языках слова «торговля» и «обмен» означают также «мир» [Кабо 1972: 4].

В обществах охотников и рыболовов взаимодействие между коллективами, как известно, строилось во многом через призму отношений «свой — чужой». Превращение «чужих» в «свои» происходило в основном путем расширения круга брачных связей или установления отношений свойства. Наличие обширного круга родственников и свойственников позволяло тому или иному коллективу в случае кризисной экологической ситуации получить поддержку у иных групп охотников и рыболовов. Благодаря широкому кругу свойственников у производственного коллектива имелась возможность перемещаться в случае необходимости за пределами своей охотничьей территории, а также для локальных миграций. Кроме того, известно, что в эпоху энеолита в лесной полосе Северной Европы появля-

ются скотоводческие племена [Крайнов 1972], что потребовало от локальных групп охотников и рыболовов усиления сплоченности на случай военной опасности. В целом расширение круга социальных связей в обществах охотников и рыболовов можно рассматривать как одну из важных форм адаптации.

Маловероятно, что отношения родства и свойства пронизывали равномерно всю территорию распространения янтарных украшений. Картографирование пунктов наиболее массовых находок янтарных украшений позволяет выделить три основных направления (пути) их распространения. Первый — по восточному берегу Ботнического залива, второй — от Онежского озера через водораздел и р. Выг к Белому морю, третий путь — от верховьев Западной Двины или Мсты на Верхнюю Волгу с ответвлением на Белое озеро, и возможно, в бассейн р. Онеги. Видимо, именно эти направления, по которым скорее всего одновременно выстраивались цепочки родственных или иных социальных связей, были в определенные периоды особенно актуальны для населения ряда регионов Севера Европы.

Поступление янтаря на территорию Карелии существенно возрастает примерно с середины III тыс. до н.э. Одновременно на поселениях Юго-Западного Прибеломорья и Южной Карелии в составе каменного инвентаря резко возрастает

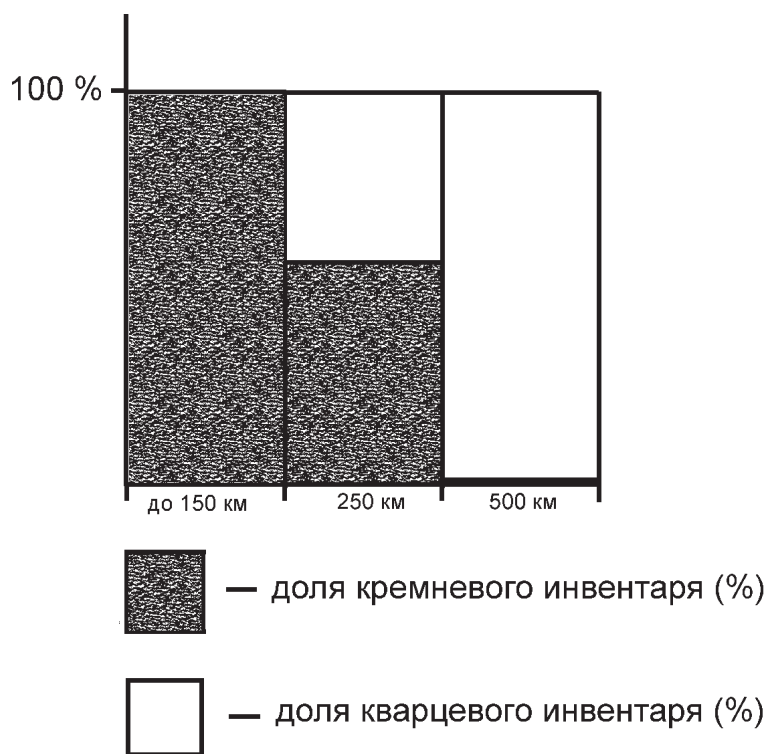

Рис. 5. Изменение в степени обеспеченности кремнем Западного Прибалтия в середине III тыс. до н.э. (в зависимости от удаленности источников сырья)

доля кремня и орудий русско-карельского типа [Жульников 1999] (рис. 5). Эти данные свидетельствуют об общей интенсификации процессов обмена на территории Карелии в середине III тыс. до н.э. Кварцевые орудия вновь появляются на стоянках Юго-Западного Прибалтия и Онежского озера в конце III тыс. до н.э., что, видимо, связано с продвижением сюда части населения из «кварцевой зоны», проживавшего на территории Финляндии и Западной Карелии. Это переселение является следствием миграции на территорию Юго-Западной Финляндии племен шнуровой керамики [Жульников 1999: 90]. Радиоуглеродные датировки могильников со шнуровой керамикой Финляндии позволяют определить время начала этой миграции — конец третьей четверти III тыс. до н.э. [Торвинен 1984]. Примечательно, что янтарные украшения на поселениях и в могильниках культуры шнуровой керамики Финляндии не обнаружены, хотя территория этой культуры расположена между памятниками с пористой и асбестовой керамикой и стоянками-мастерскими по производству янтарных

украшений в Юго-Восточной Прибалтике. На поселениях и в могильниках культуры шнуровой керамики на территории Латвии и Литвы янтарные украшения, напротив, многочисленны [Лозе 1979; Rimantienė 1979]. Эти данные являются дополнительным аргументом в пользу предположения, что проникновение племен шнуровой керамики на территорию Эстонии и Финляндии произошло не из междуречья Немана и Вислы по побережью Балтийского моря (через территории Литвы и Латвии), а из Поднепровья [Третьяков 1966: 104–105].

На начальном этапе миграции на территорию Финляндии скотоводческого населения между пришельцами и аборигенами устанавливаются отношения, имеющие явно враждебный характер. Об этом косвенно свидетельствует наличие четкой границы между двумя культурами, отсутствие гибридных сосудов по обе стороны от этой границы, находки многих сотен боевых топоров на территории культуры шнуровой керамики [Äygarä 1952; Карпелан 1982: 39]. Постепенно между отдельными группами скотоводов и груп-

пами охотников и рыболовов, видимо, начинает налаживаться обмен кремнем и некоторыми видами изделий из камня. В частности, в одной из могил со шнуровой керамикой Финляндии обнаружено сланцевое тесло русско-карельского типа [Edgren 1970: fig. 30]. Показательно, что данный обмен, явно вызванный экономическими потребностями населения со шнуровой керамикой, не распространился на янтарные изделия. Эти факты дополнительно подчеркивают различие в форме и целях обмена янтарными украшениями по отношению к обмену изделиями из камня или каменным сырьем.

Янтарные украшения, как уже было отмечено ранее, на протяжении всей второй половины III тыс. до н.э. продолжают распространяться среди близких в культурном отношении групп охотничье-рыболовческого населения Карелии и Финляндии. Необходимость поддержания устойчивых социальных связей между жителями этих регионов, видимо, во многом была обусловлена усилением военной угрозы со стороны племен культуры боевых топоров, относящихся к иному хозяйственно-культурному типу. Принципиальные различия в хозяйстве и этнической принадлежности двух локальных групп населения, вероятно, становятся основным фактором, препятствующим установлению между ними устойчивых социальных, в том числе брачных, связей. Иной пример дают нам культуры охотников и рыболовов, где, судя по имеющимся данным, единство хозяйственно-культурного типа позволяло относительно безболезненно преодолевать имеющиеся культурно-этнические различия (например, памятники типа Модлона и памятники с керамикой типа Войнаволоок XXVII). Обмен янтарем, по-видимому, входил составной частью в ритуалы, укрепляющие социальную и в конечном счете этническую интеграцию.

В начале II тыс. до н.э. янтарь перестает поступать на территорию Финляндии и Карелии. Это явление не связано с прекращением производства янтарных украшений на территории Юго-Восточной Прибалтики. Так, в верхних слоях стоянок Лубанской низины, датированных первой половиной II тыс. до н.э., найдено достаточно много разных видов янтарных украшений поздних типов и кусков сырья [Лозе 1979]. Исследованные здесь слои с янтарными предметами оставлены племенами скотоводов и земле-

дельцев, которые, видимо, не имели устойчивых связей с охотничье-рыболовческим населением Севера. Для региона Верхнего Поволжья и бассейна р. Мсты массовое прекращение поступления янтаря связано, вероятно, с проникновением на эти территории скотоводческого населения культур боевых топоров. В некоторых могильниках фатьяновской культуры и могильниках позднего этапа среднеднепровской культуры найдены янтарные украшения [Крайнов 1972: рис. 72; Артеменко 1987: 41], что свидетельствует об изменениях в векторе распространения прибалтийского янтаря на рубеже III–II тыс. до н.э.

К престижным изделиям, распространявшимся в позднем неолите — энеолите в некоторых регионах Северной Европы, следует помимо янтарных украшений отнести полированные рубящие орудия русско-карельского типа, сланцевые кольца, боевые топоры и их имитации, некоторые явно неутилитарные типы кремневых наконечников стрел (вроде обнаруженных в погребальном сооружении на Залавруге II [Савватеев 1970: рис. 88] или в одиночной могиле на поселении Ильинский Остров [Козырева 1971; Жульников 2007]). В качестве престижных вещей при обмене могли использоваться также шкурки животных. Д.А. Крайнов предполагает, что в обмен на янтарь жители Прибалтики могли получать от волосовцев шкурки куницы. На волосовских поселениях Сахтыш I, II, VII найдено большое количество костей куницы, а на поселении Стрелка I кости куницы составляют 80%. В Прибалтике, как отмечает Д.А. Крайнов, в то время куница не водилась [Крайнов 1973: 54].

Остается открытым вопрос о том, носил ли обмен янтарем только поэтапный характер (в виде последовательной цепочки обменов между общинами) или некоторые группы древнего неолитического населения Северной Европы периодически осуществляли дальние экспедиции, подобные торговым походам австралийских или южноамериканских аборигенов [Александренков 1996: 124].

Существует еще один аспект, связанный с обменом янтарными украшениями и иными престижными изделиями. Известно, что в некоторых племенах охотников и рыболовов Северной Америки, находящихся на достаточно высокой ступени общественного развития, отчетливо проявляется стремление к получению и накоплению

ценных вещей. Наличие подобного «богатства» позволяло их обладателю поддерживать высокий социальный статус. Не исключено, что в энеолитических обществах охотников и рыболовов Северной Европы подобную роль могло играть накопление янтарных украшений и иных видов престижных изделий. В пользу такого предположения свидетельствуют некоторые наблюдения за составом инвентаря в погребениях могильников Репище, Кончанское и Сахтыш ПА. Исследования Е. Костылевой и А. Уткина показали, что в могильнике Сахтыш ПА, где сохранились кости погребенных, обладателями янтарных украшений были в основном мужчины [Костылева, Уткин 2000: 182]. В могильнике Кончанское янтарные украшения отсутствовали почти в половине погребений, тогда как ритуальное подсыпание охрой зафиксировано почти во всех могилах. В могильниках Кончанское и Репище имеется небольшая группа погребений, выделя-

ющаяся большим числом янтарных изделий. Отмечено, что эти погребения находятся в центральной части могильников [Зими́на 1993: 226]. Такое расположение могил при наличии в них богатого инвентаря обычно трактуется исследователями как свидетельство высокого или особого социального статуса погребенного.

Подводя итоги, отмечу, что расширение в конце эпохи неолита масштабов обмена престижными вещами во многом было обусловлено возрастанием роли социального взаимодействия в адаптационных стратегиях охотников и рыболовов лесной полосы Северной Европы. В эпоху энеолита начинается массовое и устойчивое распространение отдельных видов престижных и ценных изделий и их накопление отдельными представителями общин охотников и рыболовов, что свидетельствует об определенных социальных изменениях в структуре коллективов древнего населения Севера Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Александренков Э.Г.* Пути золотых «орлов» (древние связи обитателей земель Карибского бассейна) // Американские индейцы: новые факты и интерпретации. Проблемы индеанистики. М., 1996. С. 115–128.
- Артеменко И.И.* Культуры шнуровой керамики: среднеднепровская, подкарпатская, городокско-здобницкая, стжижовская // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 35–50.
- Ванкина Л.В.* Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига, 1970.
- Витенкова И.Ф.* Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
- Вуоринен Ю.* Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 54–60.
- Жульников А.М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
- Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
- Жульников А.М.* О некоторых особенностях погребального обряда древнего населения Северной Европы в III тыс. до н.э. // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 97–103.
- Земляков Б.Ф.* Негежемская неолитическая стоянка // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Л., 1932. Т. II. С. 47–68.
- Зими́на М.П.* Каменный век бассейна реки Мсты // Российский этнограф. 1993. Вып. 16.
- Иванищев А.М.* Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вологда, 1996. Вып. V. С. 3–28.
- Иванищева М.В.* Янтарные украшения могильника Тудозеро VI в Обонежье // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Тез. науч. конф. Новгород, 1992. С. 86–89.
- Каверзнева Е.Д.* Шагарский могильник конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3. С. 147–159.
- Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
- Крайнов Д.А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 46–55.
- Крайнов Д.А.* Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169. С. 79–86.
- Крайнов Д.А., Костылева Е.Е., Уткин А.В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // РА. 1994. № 2. С. 118–130.
- Лозе И.А.* Новый центр обработки янтаря эпохи неолита в Восточной Прибалтике // СА. 1969. № 3. С. 124–134.
- Лозе И.А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Кабо В.Р.* Обмен и его социальная роль в первобытном обществе // Обмен и торговля в древних обществах. Л., 1972.

- Карманов В.Н., Зеленский В.С., Семенов В.А.* Раскопки поселения Вис II // Археологические открытия 2000 года. М., 2001. С. 21.
- Карпелан К.* Ранняя этническая история саамов / Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32–48.
- Козырева Р.В.* Стоянка Ильинский Остров в Архангельской области // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 120–126.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. Т. 1. С. 175–184.
- Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края: середина III — начало II тыс. до н.э. Йошкар-Ола, 1991.
- Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Савватеев Ю.А.* Залавруга. Л., 1977. Ч. 2. Стоянки.
- Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990. С. 4–113.
- Стоколос В.С.* Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 213–313.
- Тарасов А.Ю.* Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 35–43.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.Н., Шакуров А.М.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004.
- Торвинен М.* Погребения со шнуровой керамикой Финляндии (структурные вопросы) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 22–28.
- Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
- Урбан А.С.* Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып. 137. С. 110–113.
- Янитс Л.* Поздненеолитические могильники в Эстонской ССР // КСИИМК. 1952. Вып. XLII. С. 53–65.
- Янитс Л.Ю.* Новые данные по неолиту Прибалтики // СА. 1954. № XIX. С. 159–204.
- Янитс Л.Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин, 1959.
- Edgren T.* Kolmhaara — gravarna // Finskt Museum. 1960. № 66.
- Edgren T.* Studier over den snörkeramiska kulturens keramik i Finland // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1970. N 72.
- Karjalainen T.* Comparisons Between the Artefact Assemblages of Six Neolithic Houses // Huts and Houses. Stone Age and Early Metal Age Buildings in Finland. Jyväskylä, 2002.
- Klebs R.* Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwartzort und anderen Lokalitäten. Königsberg, 1882.
- Loze I.* Stone Age Amber in the Eastern Baltic // Amber in Archaeology. Proceedings of the second international conference on amber in archaeology, Liblice 1990. Praha, 1993.
- Luho V.* Kokemäen Pispan kivikautinen asuinpaikka // Suomen Museo. 1961. № 68.
- Ots M.* Stone Age Amber Finds in Estonia // Amber in Archaeology. Proceedings of the second international conference on amber in archaeology, Talsi 2001. Riga, 2003. P. 96–107.
- Pesonen P.* Stenåldersboplatserna I Kittilä kyrkby i Lappland // FM. 1994. N 101.
- Pesonen P.* Neolithic pots and ceramics chronology — AMS-datings of Middle and Late Neolithic ceramics in Finland // Museoviraston arkeologian osaston. Helsinki, 2004. N 10.
- Rimantienė R.* Šventoji. Narvos kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1979.
- Siiräinen A.* Yli-Iin Kierikki. Asbestikeraaminen asuinpaikka Pohjois-Pohjanmaalla // Suomen Museo. 1967. № 74.
- Torvinen M.* Liedon Kukkarkosken kivikautinen Kalmisto // Suomen Museo. 1979. № 85.
- Utkin A.* Graves of Volosovo Culture at the Vashutino site in Central Russia // Fennoscandia archaeologica. 1993. N X.
- Zagorskis F.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulausks. Riga, 1987.
- Äyräpää A.* Die Verbreitung des Bernsteins im kammkeramischen Gebiet // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 1947. N 45.
- Äyräpää A.* Veneenmuotoisten vasarakirveiden kivikautisia jäljittelyjä // Suomen Museo. 1952. N 59.
- Äyräpää A.* Neue Beiträge zur Verbreitung des Bernsteins im kammkeramischen Gebiet // Swiatowit. Warszawa, 1960. T. 23.